

ОБРАЩЕНИЕ К ДЕМОКРАТИИ

Борис Межуев

БОРИС МЕЖУЕВ — российский политический философ, шеф-редактор «Русского Журнала»

Решение Дмитрия Медведева избрать предметом своего выступления на Ярославской конференции тему демократии и ее стандартов шло явно вразрез с существующими традициями постсоветской власти. О демократии с определенного момента в России стало говорить не принято, демократия вообще часто воспринималась как некая данность новой России, непререкаемая, но, в то же время, и малоинтересная. Кстати, аналогичное равнодушие к теме «демократии» проявляла и российская оппозиция, включая ту ее часть, которая с 1993 стала именовать себя «демократической». Предметом дебатов между политическими силами в обществе было все что угодно: отношения государства и бизнеса, взаимодействие с внешним миром, национальный вопрос, но только не демократия как верховный принцип государственного устройства.

Причин слабого интереса к демократии было на самом деле несколько. Главная из них, на мой взгляд, состояла в том, что **демократия никогда не являлась лозун-**

гом политической оппозиции в Советском Союзе. Диссиденты лишь в конце 1960-х — начале 1970-х годов называли свое движение «демократическим», впоследствии они предпочитали именовать себя почти исключительно «диссидентами». «Демократия» не входила в политическую программу ни одного из лидеров отечественного инакомыслия — Солженицын призывал к национально ориентированному авторитарному режиму, Сахаров настаивал на соблюдении гражданских прав и расширении интеллектуальной свободы, но не на политических переменах. К демократизации как осознанному переходу к политической системе, основанной на электоральной конкуренции, никто всерьез не готовился. «Демократия» свалилась на россиян почти что с неба, с самих государственных высот как лозунг постепенного исхода общества из режима коммунистической идеократии.

Окончательный слом этой идеократии в 1991–1992 годах немедленно притупил остроту всех разговоров о «демократизации». Прежние «демократы» один за другим стали именовать себя вначале «либералами», а потом и «консерваторами». Императив «рыночных реформ» впоследствии сменился приоритетом «укрепления государства» — демократия все время присутствовала как побочный сюжет в дебатах по этим темам, однако чаще всего выполняла роль дополнительного аргумента в полемике с оппонентами, которые уличались либо в популизме, либо в авторитаризме.

Для того, чтобы демократия сама по себе стала потребностью общества, или хотя бы его контрэлитных кругов, нужны особые, исторически определенные мотивы. Например, люди с особым рвением стремятся к демократизации в разделенном по стратам обществе

в случае, если эти страты обладают неодинаковыми политическими правами. Преодолевая такое статусное неравенство, общество естественным путем, медленно и постепенно продвигается к демократии. Вопрос о том, какой мере этот процесс пришел к своему завершению, представляет собой очень важную проблему для западных стран, которые на самом деле лишь несколько десятилетий назад расстались со многими пережитками расовой, гендерной и даже имущественной дискриминации. Когда в западных (преимущественно левых) интеллектуальных кругах поднимается разговор о проблемах демократизации, то чаще всего всплывает именно эта проблема — насколько дискриминация любого толка окончательно изжита сегодня. На эту тему на одной из секций Форума выступил именитый американский социолог **Иммануил Валлерстайн**, который указал на разный смысл понятия «демос» в разные периоды европейской истории.

Между тем, если Россия в чем-либо и шла впереди планеты всей в политическом отношении, так это в быстром и радикальном уничтожении всех форм всякой дискриминации. Это произошло еще на заре XX столетия, в 1917 году, когда гражданами России стали все ее совершеннолетние жители без исключения: и мусульмане, и иудеи, и женщины, и неимущие. Другое дело, что этот рывок в сторону всеобщего политического равенства отнюдь не способствовал становлению в России конкурентного политического режима. Однако важнейшее препятствие к подлинной демократии, равно как и могущественнейший мотив к ее утверждению — **борьба за признание** — тем самым были устранены.

Другим побудительным мотивом к демократии является **требование национальной независимости**. Главное здесь то, что чувство зависимости от всякой внешней силы из-

древле осознается человеком как нечто по существу своему постыдное, недолжное, греховное. Трудно сказать, какова антропологическая природа этого чувства — ведь чужеземный владыка может быть гораздо более благожелателен к подданным, чем сатрапы местного происхождения. И все же что-то сопротивляется в нас мысли о том, что народу, в принципе, допустимо находиться в зависимости от иноземной власти. Можно по-разному объяснять себе само это сопротивление, но бесспорно то, что когда прорыв к демократии соединяется с национальным освобождением и опосредуется им, в этом случае новый строй обретает в сознании граждан дополнительную легитимность, необходимую для его устойчивости. Что мы и видим на примере стран Центральной Европы и даже наших западных соседей — Украины и Молдавии. Россия же, напротив, до сих пор не может избавиться от «веймарского синдрома» отождествления демократии с национальным поражением.

В ситуации некоторой глухоты правящего класса к демократической тематике как-то сама собой утратила остроту и актуальность отечественная политическая наука. Да и к западной политологии, хранящей некое сокровенное знание о том, что есть подлинная «демократия», общество постепенно теряло интерес.

Ярославский форум и выступление Президента на нем довольно неожиданно вернули экспертное сообщество к теме, о которой многие предпочитали говорить как о чем-то само собой разумеющемся, всерьез не погружаясь в эту проблематику. Оказалось, что в ту же дискуссию охотно готова вступить и западная наука, обращение к которой лидера государства стало заявкой на новую политическую стилистику.

Медведев попытался обнаружить еще один мотив, все-таки упрямо толкающий Россию к разговору о демократии. Это **вопрос о честности**, о тех правилах, которые, если они признаются правилами, требуют своего исполнения. Россияне, опять же, на мой взгляд,

довольно равнодушны к демократии как к абстрактному идеалу, но очень чувствительны ко всякому проявлению нечестности, политического лукавства, несоответствию слов реальным действиям. В самом основании демократической революции 1989–1991 годов, со всеми ее разрушительными для государства последствиями, лежало требование к властям поступать согласно собственным лозунгам и законам. Точно также, прошлой осенью мне доводилось слышать от многих моих знакомых, не просто равнодушных, но принципиально враждебных самой идее демократии, возмущение действиями московских властей на выборах в Городскую Думу.

Эта мысль о демократии как о системе правил, причем универсально признанных правил, исполнять которые обязан чиновник любого масштаба в России, и была положена в основу того мессиджа, с которым выступил Президент на ярославском мероприятии. Демократия, согласно точке зрения Медведева, *«это строго установленный перечень норм и правил. Именно норм и правил, и только их неукоснительное соблюдение делает демократию эффективной»*. Строго говоря, Медведев представил, ко-

нечно, не определение, не научную дефиницию демократии, но, скорее, указал на возможный мотив обращения к демократии всех тех сил, кто заинтересован в модернизации страны, причем модернизации, опирающейся на широкую народную поддержку.

«Демократия» как тема обсуждения возвращается в Россию в несколько конфуцианском обличии, как программа «исправления имен», то есть, придания словам подлинного, точного смысла. «Партии» должны стать партиями, «выборы» — выборами, «бюрократы» — бюрократами, а не хозяйствующими субъектами, профессиональные защитники порядка должны называться «полицейскими», а не «милиционерами», то есть народными ополченцами. Возможно, эта тенденция пойдет и дальше, распространяясь на все новые и новые сферы жизни и структуры власти. А Ярославский форум вполне может стать той площадкой, на которой все «благородные мужи» разных стран и цивилизаций будут совместными усилиями приходить к точным определениям наиболее значимых «имен» и «понятий». ■